

ЗАПЕРТАЯ ГРОБНИЦА

Гидеон из Девятого дома

Харроу из Девятого дома

Нона из Девятого дома

Алекто из Девятого дома
(не издана)

TAMSYN MUIR

NONA

THE NINTH

ТЭМСИН МЬЮИР

НОНА

ИЗ ДЕВЯТОГО
ДОМА

fanzon

Москва

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
М99

Tamsyn Muir
NONA THE NINTH

Copyright © 2022 by Tamsyn Muir

Публикуется с разрешения автора и его литературных
агентов DONALD MAASS LITERARY AGENCY (США)
и Агентства Александра Корженевского (Россия)

Перевод *Ирины Нечаевой*

Иллюстрация *Виталия Аникина*

Дизайн *Радия Фахрутдинова*

Мьюир, Тэмсин.

М99 Нона из Девятого дома / Тэмсин Мьюир ; [перевод с английского И. А. Нечаевой]. — Москва : Эксмо, 2024. — 544 с.

ISBN 978-5-04-186904-5

Полгода назад Нона проснулась в чужом теле. Новая жизнь обычного человека ей нравится, ведь у нее есть нормальная семья, собака, можно свободно гулять, да еще и день рождения приближается. Но ничто не вечно.

Нона может помочь Крови Эдема защититься от Девяти домов. Планета может быть разорвана на части. А во снах ее преследует женщина с черепом, нарисованным на лице.

Обычная жизнь с друзьями прекрасна, но всему приходит конец.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-186904-5

© И. Нечаева, перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
«Издательство «Эксмо», 2024

для пИТ

~~ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА~~

СПИСОК ГОСТЕЙ

(Записано К. Гект)

Собаки, которых надо пригласить на день рождения

- Коричневая, которая живет у рыбной лавки. Средних размеров, четыре лапы.
- Фу! (предполагаемое имя), лежит под прилавком в молочном магазине, рыжая, большая, четыре лапы.
- Черно-белая, один раз видели в парке, средних размером, хвост двойным бубликом, три лапы.
- Лапша, тайная королева собак, почти белая, маленькая, шесть лап.
- Пятнистая с пляжа, большая, огромные рыжие брови, три лапы.

Члены банды, которых надо пригласить на день рождения

- Табаско
- Чести
- Утророжденный
- Красавчик Руби
- Кевин

Учителя

- Ангел?

Кровь Эдема

- Увенчайте Его многими коронами (Нет — К.)
- Капитан, наверное (Невозможно — К.)
- Командир ячейки Ценой страданий, хотя, возможно, она командир крыла, я точно не знаю (Оба варианта верны, и нет — К.)
- Вы трое (Приятно — К.)

Ты сказала мне: Спи, я разбужу тебя утром.
Я спросил: Что такое утро? — и ты сказала:
Когда все, кто трахался со мной, умрут.

Когда все, кого мы любили, уйдут,
Наступит утро. Пустота — это просто синоним
чистоты.

Давай уложим мою мечту
Спать.

В назначенный час
Я подниму одеяло. Я убью свет,
Лягу рядом с тобой; умру и буду спать.

На этот раз мы сделаем все правильно:
Прощать несложно, гнев недолог.
Наши могилы будут не такими глубокими,
А ложь — не такой правдивой.

Ты поднимаешь меч.
Я все еще люблю тебя.

НОНА ИЗ ДЕВЯТОГО ДОМА

ИОАНН 20:8

В О СНЕ ОН РАССКАЗЫВАЛ ЕЙ, где получал дипломы, где делал постдок, где раздобыл грант. Просто шум, по большому счету, слушать это не было смысла. Скорее это была медитация. Казалось, даже его губы понимают, что двигаются совершенно без толку. Ему просто хотелось говорить. Дилворт. Отаго. Окленд. Поездка за границу в Корпус-Кристи (ей нравилось слово «корпус», такое оно было красивое и основательное). Еще год за границей, когда он получил грант и встретил тех, кто мог чего-то добиться. Сотрудничество с правительством Новой Зеландии и Азиатско-тихоокеанским экологическим агентством, возвращение в лабораторию в пригороде Грейтауна. Они смеялись, что заморозка вроде бы работает. «Мы все думали, что это забавно», — говорил он.

Он говорил: «Мы просто хотели тебя спасти. Ты сильно болела».

Он говорил: «Там были я, и А, и М — в начале. В принципе, у них были деньги и на большую команду, но только мы могли сделать то, чего они хотели. М — как врач, А — потому что разбирался в глицерине-шесть лучше всех. Он мог заняться чем угодно, но застрял там со мной. И слава богу, потому что это он разговаривал с акционерами. Я во всем участвовал, но собрания были подобны смерти. Я ненавижу

собрания. К прислали к нам следить за всякими контрактами, сдержками и противовесами и всем таким. Но ты же знаешь, чем это закончилось, она оказалась на нашей стороне еще до конца года...»

Он говорил: «Ты пойми, что до самого последнего года мы верили, что они доведут дело до конца. Мы знали, что план может сработать. В криокамеры Марк-Р легко могли поместиться одиннадцать миллиардов человек. Мы сократили процедуру до пяти часов на человека силами четырех специалистов. При наличии медицинского образования обучение заняло бы пару недель, поэтому люди не были бы проблемой, если бы начали сразу. Мы еще не до конца разобрались с вопросами беременности, но мы работали над этим. Конечно, на нас злились из-за графика и из-за денег, но они же всегда так делают. Мы придерживались правила: никого не оставить осознанно».

Он говорил: «Даже когда они стали строить другие корабли, нам в глаза говорили, что это ничего не значит, что их отправят в пояс Койпера, что эвакуация будет доступна всему населению».

В деле участвовала Международная федерация астронавтики, Панъевропейское агентство дало свое благословение, все было ужасно мило. Мы даже одолжили им Г — на время, поговорить про внешнюю оболочку корпуса. М сказала, что ей это не нравится, она почувала неладное. И знаешь, что я сказал? Знаешь, что я ей сказал? Я сказал: «Да не принимай так близко к сердцу». Я сказал: «Не надо паранойи!» Я посмотрел ей прямо в глаза и сказал: «Ты сама знаешь, что все заканчивается. И когда шесть триллионов это вдруг поймут, они помчатся туда, где есть кислород». Вот что я ей все время говорил. «Они собираются туда, где есть чем дышать. Богатые эвакуируются».

Он говорил: «Когда мне позвонили и сказали, что криопроект закрыт, она посмотрела на меня и просто сказала: «Вот и все, Джон»».

Во сне они сидели на пляже. Он разжег костер из сырых коряг. Дым оставил черные пятна на брезенте, натянутом у них над головами. Пепел все еще падал. Им стало больно, но ненадолго. Боль вообще всегда была недолгой.

Во сне она сидела рядом с кучей мяса — в основном там были бедра, — это мясо он резал, когда они вдруг чувствовали голод, что случалось редко и всегда одновременно. В такие моменты они сидели бок о бок и ели, пока у них не начинали болеть животы. Они пили воду из моря, как собаки.

После паузы он сказал: «Знаешь, что хуже всего? Она плакала. Она и А. Оба плакали. В объятиях друг друга. Как дети. Они обгадились от страха. А я сидел там и ничего не мог сделать. Все, что я сделал, все, чем я был... и я ничего не мог».

Он надолго замолчал. Море облизывало песок. Волны слегка светились, хотя солнца никакого не было, только плотная желтая туча висела в небе.

Она поторопила: «И что ты сделал?»

Он сказал: «Ужасную вещь».

Она сказала: «А когда мы дойдем до той части, где ты меня ранил?»

Он сказал: «Скоро».

Она сказала: «Я все еще люблю тебя».

И во сне он потер висок и сказал:

— Ты всегда так говоришь, Харрохак.